

Сергей Пономаренко

Сергей Пономаренко

СЕТИ ЖЕЛАНИЙ

Киевлянин Олег ведет собственное расследование трагической гибели друга. Все указывает на то, что убийство было ритуальным. Мужчина пытается понять, кто и почему сделал это. Ответ на вопрос может таиться в дневнике родственника умерщвленного Андрея — Родиона Иконникова. Олег узнает, что когда Родион неожиданно заболел и пребывал на грани между жизнью и смертью, ему явился бес желаний и предложил бессмертие в обмен на душу: каждые тридцать лет Родион должен жертвовать своего потомка... Олег не исключает, что его друг — жертва бесовского соглашения. Но неужели предок Андрея до сих пор жив?

Нелюдь в котелке на меня внимательно посмотрел и радостно воскликнул:

— Есть! Души твоих потомков! Всего-навсего одна душа в тридцать лет, а ты приобретешь бессмертие, но только до тех пор, пока будет выполняться это требование — одна душа в тридцать лет!

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3955-5

9 786171 239555

СЕТИ
ЖЕЛАНИЙ

КЛУБ
ЧЕЛОВЕЧЕГО
ЧЛЕНСТВА

Сергей Пономаренко

СЕТИ ЖЕЛАНИЙ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
П56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-3955-5

- © С. Пономаренко, 2017
- © Depositphotos / Shaiith79, обложка, 2017
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Любовь не уживается со страхом.

Сенека Старший

Пролог

ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, СЕЛО ЛЕШКИ, 1896 ГОД

— Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, — протяжно и весомо выводила каждое слово молитвы Святому Духу бабушка Фрося. Ее тонкие губы едва заметно шевелились, и казалось, голос звучал сам по себе изнутри ее сухонького тела. Родя вторил бабушке, произнося непонятные слова, но не вникал в их смысл. Сколько себя помнил, каждое лето он проводил у бабушки в деревне Лешки, и с приездом туда начиналась иная, непохожая на городскую, жизнь. Родя с удовольствием расставался с тесной формой ученика реального училища, надевал широкие домотканые льняные штаны, светлую рубаху навывпуск, картуз, подпоясывался узеньким ремешком из свиной кожи и уже ничем не отличался от деревенских сверстников, разве что кожаными сандалиями, предметом их зависти, легкими, удобными и везде проходимыми. В селе было совсем не так, как в городе, понятном и простом, где даже опасность имела конкретное лицо: мчащиеся по улицам механические экипажи, извозчицьи пролетки, а хуже всего было встретить школьного инспектора в неподобающем для ученика месте — это грозило наказанием вплоть до карцера.

В деревне подстерегающих опасностей было куда больше, чем в городе. Их грозные лики хорошо известны из рассказов деревенской ребятни, то и дело сталкивавшейся с ними лицом к лицу. Мальчишки рассказывали об этом по большому секрету, дрожащими от страха голосами. Невидимая опасность будоражит кровь, заставляет все время помнить о ней и не отходить далеко от дома после заката

солнца, когда воздух в преддверии темноты сгущается, становится молочно-серым, а лес и торфяные болота словно приближаются, окружая село плотным враждебным кольцом. Вот тогда в компании Мишки-поповича, куда был милостиво допущен Родя, на завалинке возле бани начинали рассказывать бесконечные ужасные истории о воскресших мертвецах, вероломных духах и кровожадных оборотнях.

Из пруда возле почерневшей от времени деревянной церквушки со старинным кладбищем, где уже давно никого не хоронили, так как место плохое, проклятое, безлунными ночами выходили утопленники, все в длинных, до пят, светящихся белых саванах. Старшие вели младших за руку, а возглавляли эту процессию звонарь Федор, удавившийся минувшим летом на колокольне, и черный поп Амвросий. Настоящей истории черного попа не знал никто. Рассказывали ее по-разному, расходясь во мнении, за какой именно смертный грех он получил в наказание вечное беспокойство. Уже и риза на нем почти истлела, и черви обглодали его плоть, копошась белыми клубками в пустых глазницах, а он все водил страшный хоровод, предупреждая православных христиан, чтящих слово Божье, звоном колокольчика. Но нехристь или закоренелый грешник не мог услышать звона того колокольчика, и тогда его захватывала процессия и он отправлялся с нею в зловеющий пруд ...

Родя и в дневное время старался обходить пруд стороной, один только раз набрался храбрости и, приблизившись к нему, сразу же убоился тяжелой черной воды, заросшей у берегов плотной зеленой ряской, лилиями и желтыми кувшинками.

А в речушке Курловке, небольшой, с быстрым течением, обитал водяной, выжидая удобного случая, чтобы схватить неосторожного купальщика, увлечь в омут и в дальнейшем пополнить им процессию из пруда. Поэтому Родя, памятуя

наставления бабушки, заходил в воду лишь по пояс, с головой не окунался, на другой берег не плавал, хотя силенок переплыть пруд явно хватало бы. И в лес за ягодами-грибами он по совету бабушки ходил лишь с большой ватагой ребят, так как там безобразничал леший, норовя заманить неосторожных путников в непроходимые дебри, а то и на топкое, гибельное болото. Но опаснее всего считались бесы, так как они могут принимать облик человека, а то и проникать в мысли, нашептывая лукавые советы с целью погубить христианскую душу.

С недавних пор на окраине села под личиной студента Николая Сиволапцева, неизменно, даже в жаркую солнечную погоду одетого в наглухо застегнутый черный студенческий мундир, с черной же фуражкой на голове, поселился бес. Его лицо обрамляла редкая куцая борода, а на переносице сидели круглые стекляшки-очки, под которыми прятались колючие глаза-льдинки непонятно какого цвета, так что даже боязно было в них заглянуть. Подобных студентов в губернском городе, где жил Родя, пруд пруди, но в этом было нечто пугающее, и когда попovich Мишка выявил в нем затаившегося беса, Родя безоговорочно поверил ему.

Как бы то ни было, но с появлением студента размеренная жизнь деревеньки была нарушена, стало ощущаться тревожное напряжение, как будто должно было произойти что-то нехорошее и страшное. Студент был человеком замкнутым, старался оставаться незаметным, корчму не посещал, ни с кем из местных жителей не сближался, но в разговоры охотно вступал и открыто вел крамольные речи. Из-за этих вольностей большая часть собеседников тут же сбегала, хотя находились и такие, кто по недомыслию продолжал беседу, поддаваясь бесовскому словоблудию. Речь его была насквозь пропитана ядом, отравляла слух и душу. Беды, случившиеся в деревне, стали связывать со студентом: пропало ли молоко у коровы, подавила ли кур лиса, пропили ли кто все

деньги, вырученные торговлей на базаре, расстроилась ли помолвка, скакнул ли кто в гречку — все это считалось бесовскими происками! Старухи сокрушались и твердили, что в прежние времена в деревне подобное проживание беса в человеческом обличье было бы невозможным: мужики этого не потерпели бы, разобрались бы с ним. Но перевелся, измелчал мужик, стал слишком боязлив и ленив.

Бабушка постоянно наставляла Родю: «Если нет Божьей защиты, то бесы беспрепятственно проникают в человека. Бесы живут там, где им есть место. Человек, греша, готовит им такое место. Где грех, там и они. Запомни, Родя: приступая к чему-либо, вначале сотвори соответствующую молитву». Она заставила мальчика выучить множество охранных молитв, призванных уберечь его, если вдруг нечистая сила возникнет на пути. Поэтому, завидев высокую, сутуловатую фигуру студента-беса, Родя чувствовал себя уверенно под оберегом охранных молитв «Для защиты от нечистой силы», «Против демонских козней», «К Господу, против чародейства», про себя нашептывая то одну, то другую.

Полицейский чиновник вместе со старостой сельской общины Дорофеевым определил ссыльного студента в заброшенную избу, стоявшую на окраине села. Несколько лет тому назад цыгане-конокрады порешили там хозяина и его семью, не вовремя вышедших ночью на шум в конюшне. Снедаемые любопытством, сельские ребята стали наблюдать за студентом, и им предоставилась возможность вочию убедиться в том, что он бес и колдун. Они увидели в его доме приспособления для изготовления колдовских снадобий: стеклянные колбы с разноцветной жидкостью, кипящей без огня, всякие прозрачные и резиновые трубочки, тигельки и зловонный дым, далеко не фимиам. А ведь известно: где бес, там серой воняет!

«Вот оно, бесовское занятие!» — с важным видом определил Мишка-попович. Родя хотел было сказать, что это

похоже на химическую лабораторию, как в училище, но заробел выступить супротив Мишки. Тот был в большом авторитете у ребят, во время праздничных и воскресных церковных служб пел в церковном хоре, мечтал поступить в семинарию и по окончании оной принять монашеский постриг. Однако это не мешало Мишке то и дело озорничать, подбивая за компанию и других ребят, за что был неоднократно бит розгами отцом, сельским священником Ираклием, и стоял голыми коленками на горохе. Родя как-то в отсутствие бабки рассыпал горох на полу и сам попробовал испытать сию муку, но и минутки не смог выстоять. Бо-о-льно!

Когда Родю навестил отец, Константин Константинович, привезя из города разные сладости, то он рассказал ему про студента-беса. Отец лишь улыбнулся и высказал свое мнение: по-видимому, это студент-химик и к нечистой силе никакого отношения не имеет.

— Он в церковь не ходит! — поддержала внука бабушка Фрося, осеняя себя крестным знамением. Ее иссеченное морщинами лицо нахмурилось: сынок живет в городе, а не понимает таких простых вещей.

— К сожалению, среди молодежи стало весьма модно причислять себя к атеистам и нигилистам, — тяжело вздохнул отец. — А без веры нельзя — тогда беспорядок в делах и умах людских.

— Я же говорю, бес он! — непримиримо поджала губы сухонькая старушка, и Константин Константинович, зная упрямый нрав матери, поспешил перевести разговор на другую тему.

Робкие возражения отца избавили Родю от последних сомнений в бесовской природе ссыльного студента.

— ...Избави мя от всех навет вражиих, от всякаго колдовства, волшебства, чародейства и от лукавых человек, да не

возмогут они причинить мне никакого зла. Господи, светом Твоего сияния сохрани мя на утро, на день, на вечер, на сон грядущий, и силою Благодати Твоея отвори и удали всякия злыя нечестия, действуемые по наущению диавола, — быстро, скороговоркой говорила бабушка. Ее морщинистое лицо, похожее на сушеную грушу, выражало надежду и веру, что ее молитва защитит неразумного внука от бесовских происков. — Кто думал и делал — верни их зло обратно в преисподнюю, яко Твое есть Царство и Сила, и Слава Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь!

Одиннадцатилетний Родя испытал облегчение, когда молитва закончилась, но продолжал стоять на коленях, ожидая разрешения бабушки, полагающей, что негоже после святых слов немедля бежать куда-то сломя голову.

Наконец, кряхтя, она стала с трудом подниматься, а он вскочил, словно мячик, и сразу сник под осуждающим взглядом старухи.

— Ладно, ступай на двор, постреленок, — смилостивилась она. — Только не балуй и к обеду не опаздывай — на солнышко поглядывай, оно подскажет.

— Слушаюсь, бабушка Фрося, сделаю, как вы сказали.

Родя вышел на улицу и зажмурился от яркого, раскаленного солнца, сразу вспотев под жаркими лучами. Никого из ребят не было видно, и он решил, что все уже купаются на речке. Вечно ему приходится плестись в хвосте мальчишечьей компании из-за причуд бабушки! То не делай, туда не пойдешь, молитв заставила выучить больше, чем за год на уроках Закона Божьего.

— Эй, ребятенок, погоди! — послышался сзади голос, и Родя обернулся.

Местный почтальон, дядька Тимоша, с неизменной пухлой черной кожаной сумкой, поманил его пальцем, и Родя осторожно приблизился к нему. Полный, вспотевший мужчина в наглухо застегнутой почтальонской форме вы-

глядел неважно, что было неудивительно при такой жаре. Он обмахивал себя фуражкой, но, видно, это мало помогло.

— Ты Фросин внучонок?

— Он самый и есть, — важно кивнул Родя, продолжая держаться на безопасном расстоянии, наученный недавним горьким опытом.

Не далее как три дня тому назад точно так же его подозвал пасечник дядька Петро. Ласково улыбаясь, стал расспрашивать, не из компании ли он поповича? Когда Родя гордо подтвердил это, тот в мгновение ока подскочил и больно скрутил ему ухо, аж до слез. На его плач и крики вышла бабушка Фрося и вызволила от злобного пасечника. Тот незамедлительно пояснил, что попович с командой сорвиголов совершил налет на пасеку, сорванцы дымом выкурили из двух ульев пчел и вытащили соты с медом. Вот пасечник и учиняет экзекуцию, по одному отлавливая ребят. Лишь после выяснилось, что грабительский налет на пасеку сотворила не ватага поповича, а враждующая с ней компания сына мельника. Попович пообещал вскоре отомстить тому за незаслуженно пострадавшего Родю, а в ночь на Ивана Купала вымазать дегтем ворота пасечнику, у которого дочь на выданье.

— Хорошо! — обрадовался почтальон, словно видел Родю в первый раз. — Поди ближе, ребятенок.

Родя, набрав полную грудь воздуха, как поступал всегда, когда предстояло сделать что-либо крайне неприятное, или перед заслуженным наказанием, осторожно приблизился к почтальону. Тот, не проявляя никаких враждебных намерений, нетерпеливо вертел в руках запечатанный конверт.

— Ссылного студента Сиволапцева Николая знаешь?

— Кто ж его не знает? — Родя от неожиданности выдохнул.

— Где он живет, тебе известно?

— Ведомо.

— Снеси ему письмецо, а то у меня в ту часть села только оно одно. Но смотри, непременно вручи ему прямо в руки! Исполнишь?

Родя заробел, переминаясь с ноги на ногу. Одно дело наблюдать за одержимым бесом издали, и совсем другое — столкнуться с ним лицом к лицу, возможно, даже и разговаривать! Попович рассказывал, как отец возил его на вычитку к отцу Серафиму в Саратов, как кричали и плакали демоны в одержимых людях, как бились те в судорогах. А если вдруг бес решит овладеть им? Но еще ужаснее для Роды было признаться в трусости.

— Снесу, — сквозь зубы процедил он.

— Уж не подведи! Ты парень серьезный, городской, не чета местной шпане. Держи письмецо и смотри, не потеряй его по дороге! Отдай непременно сегодня.

Родя нетвердой рукой взял письмо и спрятал за пазуху, испытав при этом такое ощущение, словно положил туда горячий камень. «Жжет адским огнем!» — испугался он и чуть было не зашвырнул конверт куда подальше, но тут же опомнился: «Да это не оно горячее, это мои ладошки огнем горят». Неожиданно осмелев, он посмотрел на почтальона, со вздохом забросившего тяжелую сумку на плечо и собравшегося двигаться дальше, и спросил:

— Дяденька Тимофей, правда ли, что этот студент одержим бесом?

— Посуди сам: будет ли здоровый человек нести смуту в народ, подстрекать против царя-батюшки? Он же за это и выслан был из столицы в наше глухое село. С одной стороны, все это не иначе как проделки беса. Как говорится, лукавый попутал. С другой — поговоришь с ним, вроде разумный и добрый он человек, разве что дурак: говорит вслух то, что иной даже подумать заботится. Пожалуй, нет в нем беса, а лишь дурь одна, а она, как молодость, с годами

проходит. Хотя не у всех. — Почтальон покачал головой и пытливо взглянул на мальчика: — Уж не забоялся ли ты к нему идти?

— Да нет, дяденька. Что я, маленький, чтобы бояться? — А сам, несмотря на жару, почувствовал внутри леденящий душу холод при мысли о том, что придется встречаться со студентом.

— Правильно, нечего его бояться, им жандармы занимаются. А если бес в нем все же есть и проявится, то батюшка Иракий легко с ним справится. — Почтальон одобрительно закивал. — Запомни на будущее, парень: самый страшный враг находится внутри самого человека и ждет момента, чтобы проявиться, — это бес желаний. Вот с ним-то трудно тягаться.

— Как это — внутри? И во мне тоже есть этот бес? — забеспокоился Родя.

— В каждом человеке имеется. Ты когда в зеркало смотришь, кого там видишь? — Почтальон хитро прищурил левый глаз.

— Себя, кого же еще?

— Возьми книжку, подойди к зеркалу и попробуй ее почитать, глядя в отражение. Не пробовал?

— Не-а.

— А ты попытайся. Увидишь, что буквы в зеркале перевернутые, прям тарабарщина какая-то, и прочитать их ты не сможешь. Выходит, зеркало врет, и ты не такой, каким видишь себя в нем.

— Вы, дяденька, смеетесь надо мной?

— Я — нет! В мире полно чудных событий и вещей, в которые трудно поверить. Иногда даже тень кривляется.

— Да разве тень может кривляться? — У Роди от изумления округлились глаза.

— А вот когда ты на нее не смотришь, она рожицы строит. На первый взгляд, она послушно повторяет каждое твое

движение, но имеет свой норов. Смотри, стала грозить мне кулаком, за то что правду о ней рассказываю! — Почтальон указал пальцем на тень за спиной Родя.

Мальчик завертелся на месте, стараясь рассмотреть свою тень, но ничего необычного в ней не увидел. Но дядька Тимоша мужик серьезный, в селе уважаемый, зря пустословить не будет. Говорит без улыбки, видно, так оно и есть.

— Письмецо прямо сейчас снеси, а то заиграешься, забудешь или, не дай бог, потеряешь. — Почтальон развернулся и зашагал своей дорогой.

Родя вздохнул и уныло поплелся на край села к жилищу студента. Хорошо, что хоть солнышко ярко светило, не так страшно было идти в поганое место, где, по словам попovichа, безлунными ночами бродит призрак убиенного хозяина, подстерегает запоздалых путников. Мальчик снял картуз и провел рукой по волосам, взмокшим то ли от жаркого солнца, то ли от разговора с почтальоном. Тень бежала впереди него и, будто в насмешку, вытянулась в каланчу, чуть ли не в два раза обогнав его в росте.

Как ни замедлял Родя шаг, а ноги все же принесли его к жилищу студента. За два года, прошедших после смерти хозяина, усадьба приобрела заброшенный вид, и появление жильца никак не отразилось на ее облике: забор местами завалился, окна были по-прежнему закрыты глухими ставнями, выходит, внутри все время было темно. Двор зарос травой чуть ли не по пояс, только узкая тропинка была вытоптана от калитки до дверей дома.

«Стучать или звать студента не буду! Суну письмецо в щель у двери и сразу обратно», — решил Родя, с замирающим от страха сердцем открыл скрипучую калитку, чуть ли не на цыпочках прокрался к крыльцу и протянул руку с плотным конвертом, подписанным изящным женским почерком.

— Заходи, раз пришел! — раздался сзади громкий, зычный голос студента.

От неожиданности и страха Родя даже присел, хорошо хоть не обмочился. Он обернулся и обомлел: студент, усмехаясь, стоял у калитки, отрезав путь к отступлению. Он впервые увидел студента вблизи: худой, высокий, словно каланча, в неизменном черном студенческом мундире, застегнутом на все пуговицы. Волосы у него были длинные и жидкие, грязно-коричневого цвета, чуть ли не до плеч, лицо продолговатое, неестественно белое, с узенькими усиками над верхней губой. На носу маленькие круглые очки в золоченой оправе; от стекол, сверкая, отражались солнечные лучи, не давая возможности рассмотреть глаза.

— Я тут... это... письмецо принес, — пролепетал перепуганный Родя.

— Молодец, давай-ка я тебя угощу чаем с леденцами. — На устах студента мелькнула насмешливая улыбка, и Родя почувствовал, что силы его совсем покинули.

А ведь можно было сбежать с крыльца, рвануть в сторону и, перемахнув через забор, от которого осталось одно лишь название, дать деру! Но он продолжал стоять как вкопанный, словно парализованный страхом. Улыбаясь, студент подошел к нему и отворил дверь. Родя на непослушных ногах, шатаясь, как на ходулях, шагнул через порог в полумрак. Студент зажег керосиновую лампу и шел сзади, словно конвоируя мальчика. Расположение помещений было почти как в бабушкином доме, но здесь царил невероятный беспорядок, а в горнице на столе обнаружилась странная конструкция из колбочек, прямых и витых трубок, и все это ужасно воняло. «Где черт, там серой смердит!» — предупреждала бабушка. Родя не знал, как пахнет сера, но острый, неприятный запах, от которого перехватывало дыхание, вполне мог оказаться серным. Студент усадил Родю за стол, сам устроился напротив.

— Я учился в университете на химическом факультете и здесь решил продолжить некоторые опыты. Тебе известно, что такое химия? — И, не дожидаясь ответа, студент сразу пространно пояснил:

— Это наука наук, которая позволит в будущем получать невиданные урожаи, покончить с голодом во всем мире и даже, — он понизил голос, — сделать жизнь человека невообразимо долгой. Вы на уроках Закона Божьего Ветхий Завет изучаете?

Родя молча кивнул.

— Там говорится, что в древности люди жили по многу сотен лет, а сейчас и до сотни не дотягивают. Секрет долголетия утрачен, но не бесследно. Мне в руки попался один любопытный древний документ...

Студент увлеченно схватил со стола толстую книгу со многими закладками, но тут его взгляд скользнул по лицу мальчика, и он осекся, придя в себя.

— Но тебе, братец, это неинтересно слушать, ты еще не понимаешь, что жизнь, как и палка, неогранична. — Он поднял с пола сломанную ручку от лопаты. — Все имеет начало, — он взялся за ее край, — и конец! — Студент схватил палку двумя руками и тут же резко отбросил ее от себя.

От неожиданности Родя вздрогнул и испуганно сжался, кляня себя за то, что согласился войти в дом, где чувствовал себя словно в западне.

— Ну что, будем пить чай! — воскликнул студент, ничего, однако, не предприняв.

Оловянным самоваром, стоящим в углу на полу, судя по всему, давно не пользовались. Леденящий ужас все более сковывал мальчика, заставляя его трястись мелкой дрожью.

— Я соскучился по общению, чувствую себя здесь отшельником. Пожалуй, даже и того хуже — прокаженным! От меня все шарахаются, словно боятся заразиться. Да уж слышан, знаю, что обо мне говорят. Но ведь ты этому не

веришь? — Он выжидающе уставился на Родю, и тот через силу отрицательно замотал головой.

— Иначе бы ты ко мне не пришел, так ведь? — уточнил студент, и Роде пришлось согласно кивнуть.

— Ты говорил, что у тебя есть ко мне дело. Какое, братец?

Родя дрожащей рукой молча протянул студенту конверт. Тот, увидев почерк, молниеносно схватил его и быстро открыл. Мальчик вспомнил, что отец для этого всегда пользовался специальным костяным ножичком, вскрывая конверт неторопливо и аккуратно.

— Что же ты, братец, так долго меня томил?! — укоризненно покачал головой студент. — Я его давно ожидаю, мучаясь долгими тоскливыми днями, похожими один на другой, подобно сиамским близнецам. Нехорошо, братец, ты поступил! — Он бросил на мальчика колючий, враждебный взгляд, и у того душа ушла в пятки.

Однако в следующее мгновение студент полностью увлекся чтением, и Родя стал приходить в себя, прикидывая план бегства. Неожиданно лицо студента исказила болезненная гримаса.

— Кругом ложь и предательство! Ложь и предательство! Женщины лживы и порочны! Их разговоры о любви — пошлый обман!

Студент схватился руками за голову и вдруг зарыдал. Слезы катились крупными горошинами, на лице отразилось отчаяние. Быстрая смена настроения молодого человека изумила Родю, но и немного успокоила: бес слезы лить не будет, значит, опасности нет.

— Можно я пойду? — осмелился он спросить.

Студент мгновенно перестал плакать и уставился на него через стекла очков невидящим, мертвым взглядом. Его выпуклые, с большими черными зрачками глаза оказались водянисто-серого цвета и ничего не выражали. Почему-то эти глаза напомнили Роде замочную скважину, через кото-

рую кто-то другой, неизвестный, внимательно рассматривал его, оставаясь невидимым. Ему вновь стало страшно.

— Да, братец, иди восвояси. Не обессудь, что оставил тебя без угощения, не до того мне сейчас.

Родя на непослушных, деревянных ногах выбрался из-за стола и медленно двинулся к двери. Сердце в груди бешено колотилось, словно голавль, выброшенный из привычной водной стихии на траву. Мальчик вдруг подумал, что сейчас студент остановит его и не даст покинуть этот ужасный дом. Несколько секунд, понадобившиеся Роде, чтобы дойти до двери, показались ему вечностью, и, только оказавшись на крыльце, он с облегчением перевел дух. Вновь обретя способность управлять своим телом, Родя со всех ног бросился прочь со двора, намереваясь поскорее поделиться своим приключением с приятелями.

Вечером, замирая от страха, Родя поинтересовался у бабушки:

— Дядя Тимофей сказал, что в каждом человеке прячется бес желаний. Разве это возможно?

Бабушка Фрося трижды перекрестилась, глядя на икону с образом Николая Чудотворца.

— Жизнь — это борьба с бесами. Каждый достигает того, к чему стремится, да мало кто понимает, к чему он стремится на самом деле. Многие грешны гордыней, думая, что знают, чего хотят; темны их души, а значит, открыты для беса желаний. Если же человек смиренный и набожный, он защищен от бесов лучше каменной стены.

На следующий день село облетело известие, что ссыльный студент свел счеты с жизнью, утопившись в болоте, и от него осталась одна лишь фуражка. Из уезда приехал пристав и, проводя расследование, допросил несколько человек, в том числе и Родю. Тот выложил все как на духу: про письмо, про слезы после его прочтения. Само письмо не сохранилось, нашли лишь предсмертную записку студента:

«В моей смерти прошу никого не винить. Ухожу в никуда. Николай Сиволапцев». Пристав попытался было организовать поиски тела самоубийцы, но разве можно что-нибудь извлечь из топи? Что туда попало, назад уже не вернуть.

— Может, это и к лучшему, а то много хлопот было бы с телом покойника, — решил пристав и уехал, прихватив с собой оставшуюся фуражку.

Самоубийство странного студента очень повлияло на Родю, он считал и себя в какой-то мере причастным к произошедшему, ведь злополучное письмо, толкнувшее того на сведение счетов с жизнью, принес он. Студент являлся ему в снах, жаловался, что скверно обитать в черной болотной жиже и что хочется выпить горячего чая, приглашал к себе в гости. Родя просыпался в холодном поту и начинал про себя читать охранные молитвы.

Всезнающие старухи считали: не утопился студент-бес, а схоронился, чтобы безнаказанно творить темные делишки, и теперь надо ждать бед. И они грянули...

Дочь пасечника оказалась брюхатой, и никакие наказания не смогли заставить ее назвать имя нечестивца-совратителя. Вскоре неожиданно заболел и за три дня сгорел от высокой температуры Мишка-попович. Уездный лекарь назвал причиной смерти мальчика лептоспироз, но в селе были уверены, что все это происки затаившегося беса.

Гроб с телом Мишки привезли в село вечером и занесли в дом, куда сразу сбежались, словно воронье, сгорбленные, морщинистые старухи в теплых плотных одеждах, наполнив горницу слезливыми причитаниями. Похороны назначили на полдень, и лишь незадолго до этого часа Родя заставил себя пойти попрощаться с усопшим другом. Он с опаской прошел через широко распахнутые ворота во двор, полный шепчущегося народа. В тени, под старой шелковицей, были установлены длинные столы и лавки для поминок. Место не слишком удачное, так как переэвшие

темные плоды от малейшего сотрясения веток падали вниз, оставляя на поверхности стола бурые пятна, словно следы крови. Уже только от одного их вида Родю стало подташнивать, и он поспешил войти в дом, где было тесно от множества находящихся там людей и душно от густого запаха горевших свечей и сладковатого аромата ладана. От пьянящего дурмана у него закружилась голова, и он внезапно оказался рядом с гробом каким-то непонятным для себя образом, словно в комнате перед ним были не люди, а тени.

Родя с удивлением и едва сдерживаемым страхом принялся рассматривать атамана мальчишек, лицо которого с заострившимся носом выглядело необычно спокойным. Вроде и Мишка, и не Мишка. Он лежал в гробу, украшенном множеством цветов, в непривычно нарядной одежде, словно у него был праздник, никак не реагируя на надоедливых августовских мух, роем кружащихся над ним. Родя взмахнул рукой, отгоняя жужжалок от мертвого лица друга, и тут у него в голове неожиданно прозвучал знакомый голос попovichа:

— Страх и смерть — это порождение сокровенных желаний. Запомни это, Родя.

Мальчику показалось, что на лице мертвеца промелькнула зловещая улыбка, и, не помня себя от ужаса, он бросился бежать прочь и опомнился лишь тогда, когда оказался далеко от поповского дома. Никакая сила не могла заставить его вернуться, а тем более отправиться с похоронной процессией на кладбище. Родя спрятался в укромном местечке на огороде, среди тугих, обрамленных желтыми коронами чашек подсолнечника, и решил зайти в дом, лишь когда услышал голос бабушки, зовущей его.

Часть 1
ПЕТРОГРАД.
ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА.
РОДИОН ИКОННИКОВ

— 1 —

Муха, попав в паутину, отчаянно гудела, борясь за жизнь, и сбивала с мысли, не давая возможности сосредоточиться. Отложив перо, я встал из-за стола и увидел виновницу: большая, жирная, зеленая, она раскачивалась на паутине, как на качелях, не в силах освободиться, а маленький неказистый паучок никак не решался к ней подступить. Я разрешил их проблемы одним ударом мухобойки, торопливо вернулся на место и стал перечитывать написанное.

«В год 1770-й от Рождества Христова главный колокол Покровского монастыря медно-зловещим «бом-бом-бом», не умолкающим даже ночью, навевал страх смерти на град, раскинувшийся на холмах и в низине, возле реки. Бесконечные войны чуть не стерли с лица земли этот красивейший город, но война же его и возродила: строительство мощной крепости потребовало огромного количества рабочих рук. Бывшая столица могущественного во времена раннего Средневековья государства, столетиями лежавшая в развалинах, всего лишь несколько десятилетий назад начала набирать силу. Городское население пополнялось за счет жителей ближайших сел и приезжих, ищущих счастья и заработков вдали от дома.

Завязавшаяся война с Османской Портой шла далеко, в сотнях верст, напоминая о себе лишь появлением очередной колонны пленных турок, чей бесплатный труд использовался при укреплении крепостных фортификаций. Город за свою

историю многократно страдал от пожаров и разорений в ходе нападения жестоких степняков и в результате междоусобных войн за великокняжеский престол, когда дым от пылающих предместьев застилал горизонт и толпы ободранных, перепуганных беженцев напрасно искали защиты за каменными стенами. Воздвигнутая мощная крепость с многочисленным гарнизоном и дальнобойными орудиями надежно защищала город от внешнего врага, но теперь предстояло в самом городе бороться с новым врагом — невидимым и не менее беспощадным, чем дикий кочевник или безжалостный турок.

Когда преуспевающий купец Данила Горобец, кудрявый, розовощекий балагур, прибывший с товарами из заморских стран, неожиданно заболел, соседи даже позлорадствовали — так ему и надо! А то уж чересчур ему везло: богатый, здоровый, жена красавица и дом — полная чаша. Но не знали они, что несчастье прилипчиво, как смола, лишь счастье неуловимо и мимолетно. А из-за спины купца Горобца выглядывала Черная смерть, высматривая поживу для зловецкого пира».

Слова были сухи, пресны, подобно залежалым сухарям, не радовали ни глаз, ни слух. «Все не то! Не то!» — досадовал я. Меня накрыла волна раздражения. Сопротивляясь, я обмакнул перо в чернильницу, готовясь оживить текст, но не знал, как.

«К вечеру все тело Горобца покрылось волдырями, которые вскоре превратились в язвы, сочащиеся гноем, а его грудь разрывал тяжелейший кашель. Испуганная жена отнесла в церковь богатые дары, заказала службу за здоровье, а возле чудотворной иконы зажгла двадцатифунтовую свечу в серебряном обрамлении (два фунта серебра!). Священник Пафнутий старался ее успокоить:

— Все в руках Божьих: сколько человеку отведено, столько он и проживет. Но не горюй, чуёт мое сердце, не покинет он тебя, своих близких. Иди и молись! Я после заутрени приду, помолюсь возле постели больного. Иди с Богом!

И молодуха облобызала протянутую руку с молочно-пергаментной кожей.

На пятый день могучий организм Данилы Горобца сдался, он умер в страшных мучениях, но и предсказания священника исполнились: не покинул он близких, а прихватил с собой на тот свет жену, дочь, двоих соседей и самого Пафнутия. Домашняя челядь поспешно покинула хлебное, но страшное место, оставив больного малолетнего сына купца в беспомощном состоянии. Но бегство не спасло, хворь настигла и их. По городу вместе с болезнью молниеносно распространились страшные слова: «Моровая язва! Черная смерть!»

Неуклюже обмакнув перо в чернильницу, я опрокинул ее, и по исписанному наполовину листу расплылось густое черное пятно, подводя итог мучительным литературным усилиям. Это было все не то, чего хотел добиться я, начинающий литератор, задумавший написать роман о чуме — Черной смерти, поразившей в XVIII веке город, в котором я никогда не был. Собственно, чума, как и незнакомый город, меня не интересовали, они были лишь оболочкой, из которой должен был показаться СТРАХ, способный привлечь внимание читателя, парализовать ужасом происходящего. Но такого СТРАХА в вымученно написанном я не ощутил.

Нищенская обстановка комнатухи, расположенной под изломанной голландской крышей на чердачном этаже, давила на меня. В голову невольно лезли невеселые мысли — что предпринимаемые мною усилия по написанию романа напрасны, что эта моя задумка изначально была обречена на неудачу, как и более ранние поэтические потуги.

Железная кровать, колченогий стул, крепкий табурет для гостей, на полу таз с водой для умывания, древний платяной шкаф — вот все, что смогло уместиться в моем жалком жилище. Теснота комнаты избавила меня от привычки делать по утрам физические упражнения. Неболь-

шое окошко выходило в глухой угрюмый прямоугольный двор, более подходящий для прогулок арестантов. Взгляд пробежал по мягкой обложке «Жестоких рассказов»¹, лежащих на углу стола (для меня пока недостижимый образец письма, несмотря на неоднократное прочтение сей весьма захватывающей и страшной книжки). Я откинулся на спинку стула, что было весьма опрометчиво, и тот за скрипел, предостерегая от подобных движений.

Обстановка мансарды, в которой я обитал уже шесть месяцев, с тех пор как приехал в Питер, была очень скудна, но и такое жилище вскоре может оказаться мне не по карману. Приходится перебиваться случайными заработками в надежде, что литературный труд будет приносить хоть какой-то доход. Сизифов труд — потуги начинающего писателя!

Любовь

На столе серая фотография: хрупкая, изящная женщина с тяжелой копной волос, прищурившись, насмешливо смотрит на меня, и кажется, вот-вот станет декламировать свои стихи:

Слова — как пена,
Невозвратимы и ничтожны.
Слова — измена,
Когда молитвы невозможны.²

Она постоянно приходит ко мне в снах, неожиданно вторгается в мысли, учит и дразнит, являясь кумиром и смутительницей моей души. Помню необычное состояние, охватившее меня, заставившее бросить обеспеченную жизнь ветеринарного фельдшера и приехать сюда в иллю-

¹ Автор сборника новелл «Жестокие рассказы» (1883 г.) — Огюст Вилье де Лиль-Адан. (Здесь и далее примеч. автора.)

² Зинаида Гиппиус, «Отдых».

зорной надежде покорить ее и этот город. Или в первую очередь город, а затем ее?

Ее имя Зинаида Гиппиус. Она умна, красива, эпатажна, постоянно шокирует светское общество своими нарядами, словами, поведением, реагируя на возмущенный ропот дерзким и презрительным взглядом через лорнетку. Она пишет от лица мужчины странные, не женские стихи, еще более чудные рассказы, где соседствуют призрачность любви и реальность смерти. Ее называют «декадентская мадонна», «дерзкая сатанесса», «ведьма», вокруг нее роятся слухи, сплетни, легенды, а она с усмешкой все время их умножает. Она, замужняя дама, ходит в театр в белом девичьем платье, шокируя этим публику. Любовь в ее стихах и рассказах необычна и страшна. Юная Шарлотта, влюбленная в покойника, которого никогда не видела, без остатка посвятившая себя ему, а точнее, его могиле, бешено ревнует его к бывшей невесте¹, или мисс Май, более похожая на призрак, чем на женщину во плоти, и тем не менее искусно влюбляющая в себя, попирая устоявшиеся взгляды, традиции².

Неужели она и вправду ведьма и, не подозревая о моем существовании, сумела привязать к себе невидимыми узами? Нет, скорее всего, она корабль, смело разрезающий застоявшуюся гладь жизненных устоев и понятий, а я — лишь одна из волн, порожденных этим движением и обреченных на исчезновение. Как смею я мечтать о ней, замужней даме, медноволосой красавице с чарующим взором изумрудных глаз? Что я могу ей предложить, что сделать, чтобы она хоть раз скользнула по мне взглядом?

Вскакиваю из-за стола и всматриваюсь в мутное зеркало, словно ожидаю увидеть там не собственное лицо, а нечто иное. Взлохмаченные волнистые каштановые волосы,

¹ Зинаида Гиппиус, рассказ «Живые и мертвые» («Среди мертвых»).

² Зинаида Гиппиус, рассказ «Мисс Май».

голубые глаза с кровавыми белками от бессонной ночи и умственных напряжений, продолговатое лицо с крепко сжатыми, узкими, бескровными губами. Молочно-белая кожа из-за здешнего климата стала еще белее и тоньше. Чтобы казаться в свои двадцать три года солиднее, я от-растил небольшую курчавую бородку, очень мягкую на ощупь. «Двадцать три года, и ничего не сделано для бес-смертия!»¹

Те рассказы, которые я привез с собой, написанные под влиянием Апухтина и Вилье², казавшиеся мне пределом совершенства, не заинтересовали столичные издательства. Лишь раз я удостоился беседы с редактором одного жур-нала, желчным тощим стариком, пожелавшим развлечься.

— Молодой человек, вы странно выглядите! — Он в притворном ужасе взмахнул руками.

Я нервно заерзал на стуле, пытаюсь понять, что его сму-тило в моей внешности или одежде.

— У вас голова не вымазана краской, наряд не имеет рас-цветки попугая, поведением вы мало похожи на клоуна, так чем же намерены удивить столичную публику?! У нас пу-блика избалованная, привередливая, жадная на скандалы, но этакие, с воображением-с! Обычные не пройдут-с. Или вы думали увлечь ее своей писаниной? Зря надеялись, су-дарь. Разве что сможете ее по-настоящему напугать, рас-смешить, растрогать. Но все же, поверьте мне, чем нелепее вы будете выглядеть, чем более вызывающе вести себя в пу-бличных местах, чтобы скандальные газетенки вас приме-тили, тем больше шансов заинтересовать издательства. Нынче такие времена, что литератор больше славен не пи-сьмом, а своим поведением. Вот тогда милости просим-с!

¹ Слова Дона Карлоса из драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» (1782 г.).

² Авторы готических произведений (XIX в.).

Расстроенный, с пылающим лицом, я вышел на улицу; пребывая в крайнем волнении, не обращая ни на что внимания, ступил на мостовую.

«Неужели...» — только и успел мысленно произнести я, как стал словно зрителем замедленных кадров в синематографе: на меня наплывают три темные фыркающие лошадиные морды, и я уже ничего не могу поделать. Сильнейший удар в грудь опрокидывает меня на мостовую, с головы слетает фуражка, и уже приближаются с неотвратимостью смерти, зловеще стуча, множество дьявольских копыт, способных одним ударом размозжить голову, проломить ребра, сплющить печень, селезенку, переломать руки-ноги. От ужаса происходящего замирает сердце, я лишь успеваю глубоко вдохнуть, словно при погружении, и, распластавшись в форме креста, готовлюсь к жертвенному распятию.

«Это я жертвую собой или меня приносят в жертву?!»

Надо мной пронесется табун лошадей, страшно стуча копытами, чудом меня не задев. Меня приводит в чувство истошный женский крик, еле успеваю отдернуть руки от наезжающих громадных колес. Вижу над собой огромный дребезжащий короб на рессорах, послушно останавливающийся после громогласного испуганного: «Тпру-у!» Безучастный, лежу неподвижно на холодной мостовой, осознавая случившееся, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, не веря, что живой.

— У-у-би-и-ли!!! — пронзительный женский крик зависает в воздухе, и до меня наконец доходит: «А я ведь жив!»

Вновь обретаю способность владеть своим телом и осторожно вылезаю из-под экипажа. С трудом встаю, ватные ноги едва держат, дрожат, готовые подкоситься от страха, который овладевает мной, когда я рисую в воображении, что могло случиться. Вокруг шум голосов, но я ничего не могу разобрать, словно крутится лента немого кино, а немелкий тапер играет невпопад. Передо мной перекошенные

человеческие лица, будто нарисованные рукой злого художника, на них гнев, радость, любопытство, сострадание и даже досада на то, что обошлось без крови. Я верчу головой, что-то отвечаю, желая как можно скорее покинуть это несчастное место.

— Нет, сударь, — в очередной раз поясняю надутому, словно проглотившему воздушный шарик, гороховому, — у меня нет претензий. Я сам виноват, не смотрел, куда шел. Со мной все хорошо, меня Бог спас!

Из общего шума выделяю негромкий ехидный голос:

— А может, не Бог, а черт?! Он любит пошутить: кому суждено быть повешенным, тот не утонет!

Мне удастся отделаться от любопытствующих, и я снова ничем не выделяюсь в толпе, разве что помятой фуражкой и пятнами грязи на сюртуке.

«Ничего в жизни не происходит просто так, это все Знаки Судьбы, их лишь требуется правильно расшифровать. — Мне все становится понятно. — Страх! Необходимо написать роман, пронизав его страхом перед близкой смертью, перед карой, случайно, по прихоти, выбирающей себе жертвы. СТРАХ — это такое же глубокое эмоциональное чувство, как и ЛЮБОВЬ, СТРАСТЬ, НЕНАВИСТЬ, оно ловко маскируется, неожиданно заявляя о себе. Предательски овладевает сущностью человека, изгоняя из него все прочее, делая его своим рабом.

Передать природу страха сумеет лишь тот, кто сам пережил его, — настоящий, не искусственный, как на «русских горках», когда чувствуешь, что в спину дышит Смерть, а в жилах стынет кровь и сердце вот-вот остановится. Но это лишь завершающая фаза, кульминация, конец всего, а вначале страх должен незаметно выползти из обыденных вещей».

Вот так, после долгих размышлений, мой выбор пал на Черную смерть, чуму, определив и место действия, где она собирала в недалеком прошлом наиболее обильный «уро-

жай», — Киев, город, в котором я никогда не бывал. Но пока лишь извел уйму бумаги и чернил, а желаемого результата не добился.

Тем временем жизнь идет, и неизвестно, кем запланирован ее ход, мне его не предугадать; надежда и оптимизм сменяются отчаянием и бессилием. После отъезда Зинаиды Гиппиус за границу в ее квартире перестал собираться литературный салон. С одной стороны, это на меня подействовало удручающе, а с другой — обнадежило; у меня появилась цель: к ее возвращению добиться хоть какого-нибудь признания в литературных кругах Петербурга, чтобы иметь возможность быть представленным ей. За время моего непродолжительного пребывания в столице мне удалось лишь два раза увидеть ее, да и то издали. Ее образ надежно запечатлен в моем сердце и памяти, и для моей любви не страшны расстояние в сотни верст и пропасть в общественном положении, разделяющие нас.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа — верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.¹

Сочинение романа движется с черепашьей скоростью, но и то, что написано, меня не удовлетворяет. Когда перечитываю, возникает желание сжечь исписанные убористым почерком листки. Едва сдерживаюсь, чтобы не поддаться этому чувству, пишу, двигаюсь дальше, надеясь позже переписать непонравившееся. Порой мною овладевает отчаянье, я перестаю верить в себя. Может, правы издатели, игнорирующие мои рассказы? Неужели у меня и в самом деле нет литературного таланта?

Возможно, мое желание добиться успеха на литературном поприще выглядит странным, ведь я до сих пор никак

¹ Зинаида Гиппиус, «Любовь одна».

себя не проявил — ни текстами, ни эпатажным поведением. И еще более удивительна моя странная любовь к известной поэтессе. Не раз задавал себе вопрос: хочу ли я ее как женщину? Отвечаю без раздумий: нет! Подобно героям ее произведений, я испытываю к ней любовь без примеси плотского желания, хотя ее тело, должно быть, прекрасно. Я ощущаю себя подобно юной Шарлотте, героине ее рассказа «Среди мертвых». Это даже не платоническая любовь, предполагающая духовное влечение к конкретному, осязаемому объекту. К кому или к чему чувствовала любовь Шарлотта: к неизвестному ей мертвецу, лежащему в могиле, к надгробию? К выдуманному образу человека, которого ни разу не видела? Но она по-настоящему любит, переживает сопутствующие любви ощущения, эмоции и гибнет из-за любви.

Любовь ради любви! Так и я: свои мысли и чувства поверяю фотографии реальной женщины, которую на самом деле не знаю и, возможно, так никогда и не узнаю. Но я земной человек, а не выдуманный литературный персонаж, и, предаваясь фантазиям, не забываю о земных, плотских удовольствиях.

Клавка-Белошвейка

Клавка-Белошвейка, проститутка-желтобилетчица из публичного дома на Большеохтинском проспекте, куда я, будучи при деньгах, несколько раз заходил по приезду в Петербург, теперь сама изредка меня навещает и, уходя ранним утром, оставляет под подушкой ассигнацию. Она каждый раз непременно всплескивает руками и восклицает: «Ну, Исусик, здравствуй! Любка твоя пришла», — и лезет целоваться. У нее большие, расплзающиеся, словно студень, всегда влажные губы, от которых меня воротит. Мое сопротивление ее заводит, и она всегда добивается своего.

Сколько раз я собирался оборвать с ней связь, но она, словно предчувствуя это, исчезала надолго и появлялась, лишь когда я оказывался в затруднительном положении, истосковавшись по женскому телу или в очередной раз просрочив платеж за квартиру. Внешне она весьма привлекательна: стройная, белолицая, с высокой, упругой грудью, с постоянной улыбкой на лице и шутками в речах. То собирает роскошные русые волосы в ракушку, то поражает длинной косой, как у какой-нибудь девицы. У нее точный разрез темно-карих глаз, причем при славянской внешности, хотя она — еврейка, Сара Левина. Клавкой она стала зваться в борделе.

Меня в ней крайне раздражают подушкообразные губы и громоподобный, почти мужской голос. Когда она заплетет длинную, ниже пояса косу и потупит взгляд, смотришь — вылитый ангел, а откроет рот — точно боцман командует в шторм: «Убрать бом-брамсель!» Она грозитя-мечтает рассчитаться с хозяйкой борделя и перейти в бланковые, торговать телом в собственных апартаментах, занимаясь полулегальной деятельностью, и обещает взять меня к себе, чтобы я не переживал из-за крыши над головой. Но у меня и в мыслях нет превратиться в ее «кота». Неоднократно при встрече и прощании с ней я требовал прекратить оставлять мне деньги, обязуясь, как только улучшится мое материальное положение, расплатиться с ней сполна. Но после ухода Клавки я неизменно лезу под подушку и, найдя крупную ассигнацию, перепрыгиваю ее под матрас. Гневаясь на Клавку и презирая себя, тут же громко даю клятву вернуть деньги при следующей встрече, но наступают голодные дни и подходит срок платы за квартиру — и я достаю ассигнацию из-под матраса...

Раздался бой часов и одновременно долетело эхо оружейного выстрела, произведенного в Петропавловской крепости.

— Я покорю этот город! — несколько раз громко кричу в пустоту комнаты, в очередной раз убеждая себя в этом.

Сомневаться — значит, проиграть уже на старте, отдать победу, не вступая в бой. И наоборот, даже ложный посыл, противоречащий логике, при многократном повторении может облачиться в одежды истины, пусть ненадолго, иногда лишь на мгновение.

Честолюбие, желание показаться лучше, сильнее, чем ты есть на самом деле, — вот движущая сила нашей повседневной жизни, одних возносящая к Олимпу, других опрокидывающая в пропасть неудач, и не важно, каким фетишем мы заманиваем себя на этот путь, — власть, деньги, карьера, слава, любовь... Желая вырваться из predetermined рождением и обществом круга, я, вместо того чтобы остаться уважаемым сельским ветеринарным фельдшером, погнался за иллюзорной мечтой: покорить столицу словом, стать известным литератором, добиться благосклонности Зинаиды Гиппиус и иметь счастье общаться с ней. У меня и в мыслях не было позариться на ее семейный очаг, так как она интересуется меня лишь как платоническая идея, эйдос, а не как женщина во плоти. Моя любовь к ней лишена чувственности. Это та двойственность, которая прячется в ее рассказах, стихах.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться.
Хочу любви — и не могу любить.¹

Как тяжело заставить себя сосредоточиться, чтобы продолжить выдумывать события романа, когда реальность постоянно требует: надо есть, пить, платить за квартиру, поддерживать приличный внешний вид. Понимаю, что сегодня не выжму из себя больше ни строчки, поэтому

¹ Зинаида Гиппиус, «Бессилие».

надеваю студенческую шинель, фуражку и покидаю мансарду. Хочу раствориться в толпе, подпитывающей меня энергией. Жадно улавливаю обрывки фраз, слушаю разговоры, ищу интересные типажи для романа. События мертвы, когда в них не видны живые люди.

Петербург, большой угрюмый каменный город, словно морфий, незаметными путами крепко привязывает к себе, и я понимаю: оставаться здесь — гибель, но уже не могу его покинуть. Мрачный, без гроша в кармане, брожу по роскошному Невскому, где круглые сутки не смолкает праздник для тех, у кого толстые бумажники и солидные счета в банках. В золоченых мундирах, дорогих экипажах, с красавицами женами и любовницами, по возрасту годящимися во внуки, спешат в театр престарелые царедворцы и люди во фраках при чинах и достатке. Нынче модно и престижно содержать юных хористок и балерин втайне и напоказ, а мой удел — проститутка Клавка-Белешвейка, да и то пока я ей не надоел! Но я верю: наступит время, когда громко заявлю о себе, стану желанным гостем в литературных салонах столицы, и надушенные французскими духами жеманные светские красавицы будут считать за честь получить от меня запись в свой альбом.

Шинель

Студенческая шинель и фуражка попали ко мне не без участия Клавки. В прошлый раз она пришла не одна, а, к моему удивлению, с мрачным молодым человеком моего возраста, назвавшимся товарищем Сергеем, что вызвало у меня желание пошутить: «Это вы какого Сергея товарищ?» Тот посмотрел на меня так, что сразу расхотелось развивать эту шутку.

Клавка объяснила цель прихода: Сергею требуется мой паспорт, и он готов за него заплатить сто рублей

ассигнациями. Сумма была для меня настолько огромной, что у меня перехватило дыхание, но я все же не согласился. Клавка настаивала: сделка очень выгодна для меня. Я обмениваю свой паспорт на сто целковых, а затем подаю заявление о его пропаже в полицейский участок и через две недели получаю новый документ. Риска никакого, у нее есть связи в полиции, там всего за червонец устроят это дело. Клавка глушила громовым голосом мои робкие опасения, угрюмый товарищ Сергей в основном отмалчивался, исподобья разглядывая меня, словно прицениваясь, как на торгах. Он лишь раз обронил, что паспорт требуется одному товарищу для выезда за границу¹. Не знаю, что больше подействовало на меня — желание, чтобы Клавка умолкла, или сто рублей, — но в конце концов я согласился. В довершение всего Сергей обменял свою новенькую студенческую шинель и фуражку на мое старенькое пальто и уже слегка облезлую шапку.

В кармане шинели я обнаружил брошюру некого Павлова под интригующим названием «Очистка человечества»². Содержимое брошюры меня потрясло: по утверждению автора, человечество разделено на расы — интеллектуальные и моральные. Все властвующие эксплуататорские элементы общества обладают отрицательными, глубоко укоренившимися органическими свойствами, требующими выделения их в особую расу. «Это раса, которая морально отличается от наших животных предков в худшую сторону; в ней гнусные свойства гориллы и орангутанга прогрессировали и развились до неведомых в животном мире размеров. Нет такого зверя, в сравнении с которым эти типы не показались бы чудовищными... Их дети (подавляющее

¹ В те времена паспорт Российской империи одновременно выполнял функции общегражданского и заграничного.

² Брошюру «Очистка человечества» (М.: «Возрождение», 1907), изданную под псевдонимом Иван Павлов, написал эсер-максималист М. А. Энгельгардт.

большинство) будут обнаруживать ту же злость, жестокость, подлость, хищность и жадность». Следовал вывод: все представители этой расы, включая женщин и детей, должны быть уничтожены — «истреблены, как тараканы». Кроме брошюрки, там же обнаружилась прокламация партии социалистов-революционеров, призывающая к экспроприации денежных средств у правительства и капиталистов для дела революции, побуждающая к пропаганде не словами, а делами.

Террор, насилие, экспроприация — от этих слов закружилась голова, запахло кровью, но страх не оживал, так как это были только слова. Из газет я знал: боевики партии социалистов-революционеров бросаются не только словами, но и бомбами, совершают покушения на раззолоченных, разжиревших представителей «эксплуататорской расы», высоких чинов, не жалуют даже рядовых жандармов. И это не люмпен, которому терять нечего, а юноши и девушки из порядочных, зажиточных, порой даже дворянских семей. Известный фабрикант-миллионщик Шмидт двадцати трех лет от роду принял участие в вооруженном восстании в Москве и, будучи арестованным, покончил с собой, перерезав себе горло. Я попытался представить, как можно покончить с собой таким диким образом, но воображение отказывало мне, картинка была блеклая: розовая кровь, вытекающая из пореза на горле, эфемерная предсмертная боль. Зато удушающая, всепроникающая вонь от мыловаренного и костеобжигательного заводов, расположенных неподалеку, вызывали у меня крайнее раздражение уже тем, что, вдыхая этот смрад, я приобщался к чему-то грязному, непристойному.

Бедственное финансовое положение заставило меня жить на рабочей окраине столицы, у Московской заставы, за которой вечно дымилась вонючая городская свалка, — на Горячем поле. И это в непосредственной близости от

водной клоаки — Обводного канала, куда сливаются нечистоты городских канализаций и предприятий. Грязные, темные, зловонные воды канала, подпитываемые теплом сбрасываемых нечистот, замерзают лишь в сильные морозы и вызывают у меня чувство ужаса при виде жалких обитателей их замусоренных берегов — вконец опустившихся бродяг, время от времени попадающих в хронику газет за страшные преступления, в большинстве бессмысленные в своей жестокости. Станным было то, что многие самоубийцы облюбовали Боровской мост на этом канале, бросаясь с него в воды, до предела наполненные нечистотами, словно у них не хватало терпения добраться до Невы или Финского залива.

В какой-то газетенке я прочитал о возможной причине этого: мол, на этом месте находилось капище карельских колдунов, которые проклинали шведских захватчиков, а те, чтобы перебороть заклятие, совершили жертвоприношение — окропили это место кровью захваченных пленниц, и с тех пор оно стало проклятым. Скорее всего, эту легенду придумали сами газетчики, но в том, что это место словно медом намазано для самоубийц, есть нечто мистическое.

Надев шинель, я решил отправиться куда-нибудь подальше от этих мрачных, зловонных мест, не вдохновляющих меня писать о СТРАХЕ. Добравшись пешком до Забалканского проспекта¹, я увидел синий вагон конки, запряженный парой гнедых, который уже собирался тронуться в путь. Мне повезло: кондуктор, заметив, как я отчаянно машу рукой, задержал отправление. Сырая погода, морозящий мокрый снег не благоприятствовали езде наверху вагона, и, заплатив пятак, я устроился на красной

---

¹ С 1956 года Московский проспект.

деревянной лавке у окна, приготовившись к долгой поездке, так как выбрал конечной остановкой Летний сад.

Летний сад

Это не то место, где приятно гулять зимой, что следует из самого названия сада. Летом он предстает во всем своем великолепии, завлекаяще поглядывая из-за кованой ограды удивительной красоты, маня прохладой тенистых аллей в праздничных изумрудных нарядах, радуя глаз аккуратно подстриженными колючими кустарниками и нежной, сочно-зеленой травкой газонов, ажурными беседками и мостиками через бесчисленные каналы и пруды, поражая обилием античных скульптур, настраивающих на минорный лад, давая возможность ознакомиться со строением тел, в том числе и точеных фигурок застывших див. С высоты птичьего полета он должен напоминать громадный драгоценный камень в обрамлении набережных Невы и Фонтанки из красного гранита.

Зимой же — это место уединения и уныния, раздумий и сожалений о нереализованных желаниях, и даже баснописец Крылов, чей каменный бюст установлен здесь, имеет озабоченный вид, словно размышляет: а не податься ли в более веселые места? И только для влюбленных этот парк замечателен своим малолюдьем и тишиной, которую нарушает лишь их нежное воркование.

Селина уже здесь, прогуливается по слегка заснеженной аллее неторопливой походкой наслаждающегося безмолвием и одиночеством человека. Я поспешил ее догнать.

— Прошу прощения, — запыхавшись, произнес я, любуясь ее нежным, почти детским личиком в обрамлении пушистой заячьей шапки.

— Вы не опоздали, это я пришла раньше, — возразила она. — Вы обещали в прошлый раз показать мне здесь статуи Психеи и Амура.

— Да, конечно, мы обязательно разыщем их. Вы разрешите поддерживать вас под локоток? — спросил я, томясь желанием прикоснуться к ней.

— Прошу вас, — согласилась она и насмешливо взглянула на меня, мгновенно превратившись в Клавку-Сару. — Только зачем тебе ЭТО? Ведь между нами пропасть, которую не преодолеть!

Наваждение исчезло, и в парке я остался один. С черноволосой Селиной я познакомился здесь летом, мы чудно провели вместе целый день, еще пару раз встречались, а затем она не пришла на свидание, хотя я упорно ее ожидал, пока темнота не укрыла деревья. Ее отец был русским, мать — татаркой, причем кровь последней доминировала в ее облике: выразительные темные глаза, блестящие, словно расколотый антрацит, прямые волосы, смуглый, скорее ближе к оливковому цвет кожи лица. Пользуясь скудными сведениями, добытыми из неосторожно брошенных ею слов, я нашел дом, где она жила, дождался, когда она одна вышла на улицу, и возник перед ней с охапкой белых роз (не сожалел о том, что завтра придется питаться лишь хлебом и водой).

— Не надо роз, их красота предательски обманчива, они только и ждут момента, чтобы уколоть до крови.

Легкая улыбка тронула уста Селины, и она отвела мою руку с букетом в сторону. Я напомнил, что не выполнил обещания подвести ее к статуям Психеи и Амура, которые она хотела нарисовать на бумаге углем.

— Этой ночью я видела, как упала звезда. Зрелище было жуткое — как она горела в свои последние мгновения. Это сошел в царство Аида непростой человек... Мы слишком разные, и больше никогда не увидимся. Прощайте, сударь! — и Селина развернулась, чтобы продолжить свой путь.

— Почему?! — выкрикнул я, ощущая тупую боль в сердце. — Разные в чем? Если желаете, то я приму мусульманство, стану чертом, богом...

— Станьте тем, кем хотите стать, не потеряв себя, а это будет непросто. Прощайте! — и она ушла, не оборачиваясь, а я понял, что она права: между нами пропасть!

Моя душа во власти страха
И горькой жалости земной.
Напрасно я бегу от праха —
Я всюду с ним, и он со мной.¹

К ее дому я больше не подходил, вместо этого прогуливаясь по Летнему саду, тревожа себя воспоминаниями, дополняя их фантазиями и ощущая беспокойство в душе.

Товарищ Сергей

Словно призрак, он неожиданно появился за моей спиной, догнав, известил о себе негромко, но властным тоном, не сомневаясь в моем послушании. На этот раз он был одет как преуспевающий коммерсант: длинное темное пальто с меховым воротником, бобровая шапка, трость в руке, лицо наполовину скрыто белым кашне, так что я в первый момент его не узнал.

— Мне надо с вами поговорить о важном деле, — сообщил он, на мгновение высвободив свое лицо из шарфа. — Здесь неподалеку есть кондитерская, там будет лучше всего.

Понятие «неподалеку» оказалось весьма относительным. Он взял извозчика, чтобы добраться до места, и на протяжении всего пути хранил молчание. Я понимал, что своими вопросами ничего не добьюсь, и также молча, рассеянно смотрел по сторонам, хотя изнывал от любопытства: что на этот раз ему от меня требуется? И зачем для этого

¹ Зинаида Гиппиус, «Пыль».

куда-то ехать? Может, он и не в кондитерскую меня везет, а на тайную встречу? Но с кем?! С этим господином, связанным с револьверами и бомбами, надо быть весьма осторожным...

Подобная встреча с представителем партии эсеров, то и дело громко заявлявшей о себе покушениями на крупных чиновников, ограблениями банков и кредитных обществ, весьма небезопасна. Охранное отделение, жандармы охотятся на них, беспощадно расправляются с террористами, отправляя их на виселицу или каторгу. Оказаться в одной компании с ними — значит, нарваться на крупные неприятности. И мне в душу стал закрадываться СТРАХ. Тот, который я безуспешно пытался отобразить на страницах своего романа. Находясь рядом с этим человеком, я боялся посмотреть ему в глаза, за его спиной мне мерещились взрывы бомб, револьверные выстрелы и кровь, много крови. Я невольно посмотрел на его руку в тонкой замшевой светлой перчатке, крепко сжимающую набалдашник трости.

К моему удивлению, мы и в самом деле подъехали к кондитерской, совсем неподходящему месту для встреч подобных революционных товарищей, как по мне. В кафе было тепло, светло и вкусно пахло кофеем. Среди сидящих за столиками преобладали молоденькие барышни, весело, по-птичьи щебечущие о пустяках — модистках, нарядах, шляпках, и появление двух мужчин вызвало у них интерес не меньший, чем если бы сюда залетели белые вороны на чашечку шоколада и расплачивались бы найденной ассигнацией.

«Из того, что мне известно о тебе, товарищ Сергей, такое внимание может повлечь за собой крайне неприятные последствия». Только успел я так подумать, как он усадил меня за столик между двумя коротко стриженными бледными девицами в строгих темных платьях, едва прикрывающих коленки. Они явно были слушательницами Бестужевских курсов, отличающимися свободным пове-

Содержание

Пролог	7
Часть 1	23
Часть 2	91
Часть 3	190

Літературно-художнє видання

ПОНОМАРЕНКО Сергій

Тенета бажань

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Н. О. Міщенко*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 06.09.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно Про». Ум. друк. арк. 19,32. Наклад 6000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, Е-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Різдва, 11.

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ПОНОМАРЕНКО Сергей

Сети желаний

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 06.09.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Арно Про». Усл. печ. л. 19,32. Тираж 6000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, Е-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Киянин Олег веде власне розслідування трагічної загибелі друга. Все вказує на те, що вбивство було ритуальним. Чоловік намагається зрозуміти, хто і чому зробив це. Відповідь на питання може таїтися в щоденнику родича вбитого Андрія — Родіона Іконникова. Олег дізнається, що коли Родіон несподівано захворів і перебував на межі між життям і смертю, йому явився біс бажань і запропонував безсмертя в обмін на душу: шотридцять років Родіон повинен жертвувати свого нащадка... Олег не відкидає той варіант, що його друг — жертва бісівської угоди. Але невже предок Андрія досі живий?

Пономаренко С.

П156 Сети желаний : роман / Сергей Пономаренко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 368 с.

ISBN 978-617-12-3955-5

Киевлянин Олег ведет собственное расследование трагической гибели друга. Все указывает на то, что убийство было ритуальным. Мужчина пытается понять, кто и почему сделал это. Ответ на вопрос может таиться в дневнике родственника умерщвленного Андрея — Родiona Иконникова. Олег узнает, что когда Родion неожиданно заболел и пребывал на грани между жизнью и смертью, ему явился бес желаний и предложил бессмертие в обмен на душу: каждые тридцать лет Родion должен жертвовать своего потомка... Олег не исключает, что его друг — жертва бесовского соглашения. Но неужели предок Андрея до сих пор жив?

УДК 821.161.1(477)

1912 год, Киев. На Лысой горе казнили Анику Мозенз, обвинив ее в убийстве своих родных. Ужасный случай из прошлого напоминает о себе и в наше время: мистическим образом связь с ним чувствуют некоторые люди.

Наш современник Глеб, обвиненный в убийстве, но спасенный от тюрьмы своей знакомой, Галей, осознает, что его преследует кошмар из параллельного мира. Он узнает, что послужил причиной гибели той самой Аники, его тогдашней возлюбленной. Вероятно, спасти Глеба может только новая любовь, которую он встретит на Лысой горе... Но Галя с помощью темного колдовства пытается вернуть его себе. Удается ли разрушить мистику родом из прошлого?